

УДК 34.0**DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047****Судебная неустойка как средство понуждения к голосованию по корпоративному договору****Дубровский Иван Александрович**

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: mrsimla33@gmail.com

Аннотация

Обязательство голосовать определённым образом названо в п. 1 ст. 67.2 ГК РФ первым среди возможных условий корпоративного договора, оно же защищено слабее всех: решение собрания, принятое вопреки договору, как правило, устоит, убытки почти недоказуемы, а договорная неустойка переводит нарушение в деньги вместо того, чтобы обеспечить само голосование. В статье обосновывается применимость к нему судебной неустойки по п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Догма о неадекватности волеизъявления смешивает замещение воли судебным актом и косвенное воздействие на неё, тогда как внутрисистемные аналогии и опыт правопорядков, породивших астрент, говорят в пользу понуждения. Показано, что голосование не подпадает ни под одно из исключений, названных Пленумом Верховного Суда РФ: оно исполнимо юридически и фактически, лишено творческого содержания, а его личный характер исчерпывается тем, что голос подаёт сам участник. Точечные нормы кодекса о восполнении воли судебным актом (п. 4 ст. 445, п. 1 ст. 165, п. 3 ст. 551 ГК РФ) и материал французского, германского, английского и американского права используются как довод *a fortiori*. Очерчены пределы применения судебной неустойки: требование определённости присуждаемого голосования, приоритет длящихся и повторяющихся обязательств, соотношение с договорной неустойкой и обеспечительными мерами. Предложены разъяснение Пленума Верховного Суда РФ и изменение ст. 67.2 ГК РФ.

Для цитирования в научных исследованиях

Дубровский И.А. Судебная неустойка как средство понуждения к голосованию по корпоративному договору // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047

Ключевые слова

Корпоративный договор, обязательство голосовать, судебная неустойка, астрент, исполнение в натуре, неадекватность волеизъявления.

Введение

Обязательство участников голосовать определенным образом закон называет первым среди возможных условий корпоративного договора (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ). Тем заметнее парадокс: самое типичное условие оказалось наименее защищенным. Решение собрания, принятое вопреки договору, как правило, устоит - п. 6 ст. 67.2 ГК допускает его оспаривание, только если сторонами договора были все участники общества, а такие договоры редки. Убытки почти недоказуемы: имущественные последствия «неправильного» голосования опосредованы решением собрания и не поддаются денежной оценке с той разумной степенью достоверности, которой требует п. 5 ст. 393 ГК. Остается договорная неустойка, но она переводит нарушение в деньги, вместо того чтобы обеспечить само голосование. Кредитор рискует и в другом: суд вправе снизить неустойку по ст. 333 ГК, хотя в предпринимательских отношениях делает это лишь по заявлению должника и в исключительных случаях (пункт 2 ст. 333 ГК РФ, пункты 71-72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», далее - постановление № 7). Отсюда вопрос, вынесенный в заглавие: вправе ли кредитор потребовать через суд самого голосования, подкрепив требование судебной неустойкой по п. 1 ст. 308.3 ГК. К другим обязательствам из корпоративного договора - прежде всего к выкупу акций или долей - суды исполнение в натуре применяют (наиболее известный пример - решение Арбитражного суда Ставропольского края от 19.01.2015 по делу № А63-9751/2014: суд обязал сторону акционерного соглашения выкупить акции истца во исполнение принятого на себя обязательства при недостижении согласованных показателей проекта), тогда как практики понуждения именно к голосованию почти нет. Статья защищает утвердительный ответ: понуждению препятствует не закон, а догма.

Материалы и методы исследования

В доктрине эту догму формулируют так: голосование есть личный, незаместимый акт участия в формировании воли юридического лица, участник свободен в своем усмотрении, а потому принудить его к голосованию нельзя ни в исковом, ни в исполнительном производстве [Ломакин, 2009; Фёдоров, 2013; Суханов, 2014]. Позиция эта чаще подразумевается, чем доказывается, и, судя по всему, она же стоит за сдержанностью судов. Между тем аргумент от незаместимости смешивает два разных вопроса: может ли суд заместить волеизъявление участника собственным актом и может ли он побудить должника изъявить волю самостоятельно. Отрицательный ответ на первый вопрос второго не предпрещает - косвенное принуждение потому и называется косвенным, что воля остается волей должника.

Результаты и обсуждение

Пункт 1 ст. 308.3 ГК дает кредитору право требовать исполнения в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором либо «не вытекает из существа обязательства». Пленум Верховного Суда РФ вывел из-под понуждения лишь требования, исполнение которых объективно невозможно, и обязательства, настолько связанные с личностью должника, что принуждение задело бы его достоинство, - хрестоматийный пример с музыкантом, которого нельзя заставить сыграть концерт (пункт 23 постановления № 7). Голосование не подходит ни

под одно из исключений: оно исполнимо юридически и фактически, лишено творческого содержания, а его «личный» характер исчерпывается тем, что голос подает сам участник, - а это свойство любого обязательства совершить действие [Карапетов, 2003].

Более того, правопорядок давно допускает полную подмену волеизъявления судебным актом: суд определяет условия договора, который должник обязан, но отказывается заключить (п. 4 ст. 445 ГК), признает действительной сделку, исполненную одной из сторон, если другая уклоняется от ее нотариального удостоверения (п. 1 ст. 165 ГК), заменяет своим решением волю стороны, уклоняющейся от регистрации перехода права (п. 3 ст. 551 ГК). Нормы эти точечные, общего правила о фикции волеизъявления кодекс не знает, и все же они доказывают главное: неадекватность волеизъявления в принцип российского правопорядка не возведена. А там, где принципа нет, довода *fortiori* работает без помех: меньшее вмешательство - воздействие на волю - нельзя объявлять недопустимым по природе обязательства, коль скоро в сходных ситуациях закон разрешает большее.

Показателен и сравнительный материал: в правопорядках, породивших институт, неадекватность обязательства служит основанием применения косвенного принуждения, а не отказа в нем. Французский *астрент* вырос в судебной практике XIX века именно на обязательствах, недоступных прямому исполнению, и ныне закреплён в ст. L. 131-1 Кодекса гражданских исполнительных процедур (*Code des procédures civiles d'exécution*, art. L. 131-1; кодекс введен в действие с 1 июня 2012 года) [5]. Германское право побуждает должника к неадекватному действию штрафом или арестом (§ 888 Гражданского процессуального уложения, далее - ГПУ), а волеизъявление и вовсе считает совершенным с момента вступления решения суда в силу (§ 894 ГПУ). Допустимость исков об исполнении соглашений о голосовании (*Stimmbindungsverträge*) Федеральный верховный суд Германии признал еще в 1967 году (BGHZ 48, 163), а принудительную реализацию таких решений господствующая доктрина строит на § 894 ГПУ [Степанов, Фогель, Шрамм, 2012]. К тому же результату приходит и общее право: в деле *Puddephatt v Leith* [1916] 1 Ch 200 английский суд прямым судебным приказом обязал акционера голосовать в соответствии с соглашением [Осипенко, 2016], а американское модельное законодательство объявляет соглашения о голосовании специально исполнимыми (*Model Business Corporation Act* в редакции 2016 года, § 7.31(b)). На этом фоне отечественная «неадекватность» выглядит не свойством обязательства, а свойством доктрины.

Достаточно развести два вида принуждения - подменяющее волю и воздействующее на нее. Судебная неустойка относится ко второму: голосует сам должник, судебный акт лишь меняет экономику его выбора, делая нарушение дороже исполнения [Договорное и обязательственное право, 2017]. В этом *астрент* не отличается от договорной неустойки за то же нарушение: трудно объяснить, почему частное имущественное давление на волю участника законно, а такое же давление, санкционированное судом, посягает на свободу волеизъявления. Не работает и довод от корпоративной автономии: присуждение действует в относительной связке кредитор - должник, действительности решения собрания не затрагивает и потому не колеблет ни баланс п. 6 ст. 67.2 ГК, ни права не участвующих в договоре лиц. Ссылка на свободу усмотрения еще слабее - этой свободой участник распорядился сам, когда заключал договор, а возможность связать себя на будущее есть проявление автономии воли, не ее отрицание [Кузнецов, 2017]. Единственное серьезное ограничение - требование определенности: понуждать можно к голосованию за конкретное, определенное решение, так, чтобы резолютивная часть позволяла однозначно установить факт исполнения, но не к абстрактной «согласованности»

корпоративного поведения.

Пределы применимости надо видеть трезво. Главный из них - временной: собрание обычно проходит раньше, чем завершится процесс, и для разового голосования иск о понуждении опаздывает. Реальная сфера судебной неустойки - там, где присуждение работает на будущее: обязательства длящиеся и повторяющиеся (голосование на годовых собраниях, поддержка согласованных кандидатур) и негативные обязательства воздерживаться от определенных действий. Для разовых голосований предварительной защитой остаются обеспечительные меры, хотя и здесь возможности ограничены. Запретить проведение самого собрания суд не вправе (пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров»), а принимаемые меры не должны блокировать деятельность общества (ст. 225.6 АПК РФ). С договорной неустойкой судебная не конкурирует: первая обеспечивает само обязательство, вторая стимулирует исполнение судебного акта, поэтому присуждение одной не исключает взыскания другой. Размер астрента суд определяет на началах справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения должником выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (пункты 28 и 32 постановления № 7).

Заключение

Догма о неадекватности волеизъявления, как видно, не находит опоры ни в тексте п. 1 ст. 308.3 ГК, ни в системе кодекса, знающей даже подмену воли судебным актом, ни в опыте правопорядков, из которых астрент заимствован. Минимально необходимый шаг - разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о применимости судебной неустойки к обязательству голосовать, принятому по корпоративному договору. Последовательнее было бы прямо указать в ст. 67.2 ГК на допустимость понуждения к исполнению таких обязательств в натуре. С германской моделью спешить не стоит: точечных норм о восполнении воли судебным актом для нее мало, нужно общее правило о фикции волеизъявления, которого российский правопорядок пока не знает, а вводить его следует, взвесив последствия для всего оборота. Пока же минимум исполнимости корпоративного договора складывается из судебной неустойки, опционных конструкций и обеспечительных мер - без них широкая свобода его содержания остается свободой без защиты.

Библиография

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2017.
2. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. Москва: Статут, 2003.
3. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. Москва: Статут, 2017.
4. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 6–26.
5. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. Москва: Инфотропик Медиа, 2016.
6. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69.
7. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. Москва: Статут, 2014.
8. Фёдоров С.И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестник гражданского права. 2013. № 1.
9. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. Москва: Международные отношения, 1998.

Judicial Penalty (Astreinte) as a Means of Compelling Voting Under a Corporate Agreement

Ivan A. Dubrovskii

Postgraduate Student,
Academy of Labour and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mrsimla33@gmail.com

Abstract

The obligation to vote in a certain way is named in paragraph 1 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation as the first among the possible terms of a corporate agreement, yet it is the least protected of all: a meeting decision adopted contrary to the agreement will, as a rule, stand, damages are almost unprovable, and a contractual penalty converts the violation into money instead of ensuring the voting itself. The article substantiates the applicability of a judicial penalty under paragraph 1 of Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation to it. The dogma of the non-substitutability of a declaration of will confuses the substitution of will by a judicial act with indirect influence upon it, whereas intra-systemic analogies and the experience of the legal orders that gave rise to the *astreinte* argue in favor of compulsion. It is shown that voting falls under none of the exceptions named by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: it is enforceable legally and factually, devoid of creative content, and its personal character is exhausted by the fact that the vote is cast by the participant himself. Specific provisions of the code on the supplementation of will by a judicial act (paragraph 4 of Article 445, paragraph 1 of Article 165, paragraph 3 of Article 551 of the Civil Code of the Russian Federation) and the material of French, German, English, and American law are used as an *a fortiori* argument. The limits of the application of the judicial penalty are outlined: the requirement of certainty of the awarded voting, the priority for continuing and recurring obligations, and the relationship with a contractual penalty and interim measures. An explanation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and an amendment to Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation are proposed.

For citation

Dubrovskii I.A. (2026) *Sudebnaya neustoyka kak sredstvo ponuzhdeniya k golosovaniyu po korporativnomu dogovoru* [Judicial Penalty (*Astreinte*) as a Means of Compelling Voting Under a Corporate Agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 450-455. DOI: 10.34670/AR.2026.43.12.047

Keywords

Corporate agreement, obligation to vote, judicial penalty, *astreinte*, specific performance, non-substitutability of a declaration of will.

References

1. *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: postateynnyy kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Contract and obligation law (general part): an article-by-article

-
- commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation] (2017). A.G. Karapetov (Ed.). Moscow: M-Logos.
2. Fedorov, S.I. (2013). Pravovoe regulirovanie korporativnykh dogovorov i modernizatsiya grazhdanskogo prava Rossii [Legal regulation of corporate agreements and the modernization of civil law in Russia]. Vestnik grazhdanskogo prava, (1).
 3. Karapetov, A.G. (2003). Isk o prisuzhdenii k ispolneniyu obyazatel'stva v nature [The claim for specific performance of an obligation]. Moscow: Statut.
 4. Kuznetsov, A.A. (2017). Predely avtonomii voli v korporativnom prave: kratkiy ocherk [The limits of autonomy of will in corporate law: a brief essay]. Moscow: Statut.
 5. Lomakin, D.V. (2009). Dogovory ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv kak novella korporativnogo zakonodatel'stva [Agreements on the exercise of the rights of participants of business companies as a novelty of corporate legislation]. Vestnik VAS RF, (8), 6–26.
 6. Osipenko, K.O. (2016). Dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv v rossiyskom i angliyskom prave [The agreement on the exercise of the rights of participants of business companies in Russian and English law]. Moscow: Infotropik Media.
 7. Stepanov, D.I., Fogel', V.A., & Shramm, Kh.-I. (2012). Korporativnyy dogovor: podkhody rossiyskogo i nemetskogo prava k otdel'nym voprosam regulirovaniya [Corporate agreement: approaches of Russian and German law to certain issues of regulation]. Vestnik VAS RF, (10), 22–69.
 8. Sukhanov, E.A. (2014). Sravnitel'noe korporativnoe pravo [Comparative corporate law]. Moscow: Statut.
 9. Tsvaygert, K., & Ketts, Kh. (1998). Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. T. 2 [Introduction to comparative law in the field of private law: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
-